

ПЕРВАЯ персональная выставка Эрнста Неизвестного в России. Впечатление, конечно, радостное. И в то же время горькое: слишком маленькое пространство для такого художника. Неизвестный работает не только в *Большом времени* (есть такой образ-понятие, введенный М.М.Бахтиным), но и *Большом пространстве*. А представлен пока — лишь в малом времени и в малом пространстве. Да к тому же с опозданием лет на 30 — 35. Но это уж такая наша особенность. Раньше, естественно (противоестественно!), это было невозможно. Но тогда это было бы подобно удару молнии. Сегодня, хотя многие газеты откликнулись на открытие выставки, статьи в них — лишь зарницы былого и, надеюсь, будущего общественного потрясения. Едва ли не первым догадался о силе Неизвестного великий Коненков, и это сбывается.

Дарование скульптора отличает не просто развитие, а непрерывное нарастание духовной мощи его работ. К этой мощи просится эпитет "титаническая", но он, конечно, тут неуместен. Титаны боролись с богами. Духовная мощь Неизвестного — ничего общего с богоборчеством не имеет. Скорее, пользуясь пушкинским образом, в его работах живет огонь пророка, зажигающего сердца людей, доводящего до них глагол божественного Откровения. Одни из незабываемых часов в моей жизни — те, когда в

дух. Почти всегда она приносит вековечное в жертву ежеминутному. Это условие ее существования. Политики забывают о родовой памяти и думают, что они бессмертны. Художник же в нашей больной, отравленной идеологическими щелочами и кислотами душе пробуждает струны вечные. Способность людей откликаться на гений, на талант — свидетельство того, что не все потеряно, это залог возможного возрождения, обновления души.

Счастливым дар Неизвестного — в невероятном сочетании совершенно различных пластов культуры. Что-то главное было дано ему изначально, генетически. Но еще невероятно много он впитал, вообрал в себя неустанным напряжением ума и сердца. Классическим вольным студентом он жил будто не в XX веке, а в XVIII или XIX, ходил на философский факультет. Историю философии, историю религий он знает с поразжающей воображение основательностью. С ним дружили люди самые глубокие и самые блестящие — одно имя Мераба Мамардашвили говорит о многом. В Неизвестном живет тот страстный порыв к синтезу, что особенно присущ культуре русской и который Достоевский именовал "всемирной, всечеловеческой отзывчивостью".

Два тысячелетия назад открылась истина: в христианстве несть ни эллина, ни иудея. А теперь, на пороге XXI века, самое трагическое, что может быть, — возвращение к дохристианским родоплеменным распрям. Для них мы теперь слишком хорошо вооружены и слишком плохо слышим голос инстинкта самосохранения. А тут еще человечество выходит в космос. Кем мы предстанем в глазах иных цивилизаций? Неужто на вопрос "Кто вы?" мы будем отвечать: "Мы либералы..." "А мы китайцы..." "А мы представляем левое крыло правой консервативной партии Англии..." "А мы коммунисты..."? Да нет же! Прежде всего, больше всего мы — земляне! Что главное объединяет гениальных художников за многие века? Да то, что они — но каждый по-своему! — сказали: "Мы земляне!" Что может объединить сейчас русских, китайцев, немцев, евреев — всех нас? То, что мы — русские земляне, китайские земляне, еврейские земляне и т.д. Все антагонизмы человеческие должны сгинуть перед этой истиной. Все прекрасные отличия — расцвести. Но осознается это и человеком, и человечеством только перед угрозой смерти, точнее, самоуничтожения. Так я понимаю землян Эрнста Неизвестного.

Юрий КАРЯКИН Земляне Эрнста Неизвестного

Лит. газ. — 1996. — 17 апр. — с. 8.

Их можно увидеть в "Доме Нащокина"

его нью-йоркской мастерской я рассматривал рисунки к Екклесиасту, разбросанные по полу. А теперь он начал и работу над Апокалипсисом. Почти все мы, говоря о распятии Христа, о его воскрешении, о тысячелетнем царствии Божием на земле, о втором пришествии, о "звере", о "Страшном суде", о "новой земле и новом небе", располагаем все эти события последовательно на оси времени. Не то художник. Для него весь Апокалипсис происходит сегодня, он все это переживает одновременно. Только так он может выполнить свою миссию пророка, а если говорить языком не столь возвышенным — миссию как *переводчика* Божественной истины обмирщенному, большей частью атеистическому, обезбоженному человечеству.

Почти четверть века стоит у меня на рабочем столе небольшая скульптура Неизвестного "Каин — Авель". Два человека душат друг друга, брат брата, а корень — так сделано — общий. Не сразу я понял: у них нет лица! И ведь правда: когда люди ненавидят, убивают друг друга, они теряют лицо. А еще сплетение этих фигур образует и силуэт сердца: главная борьба людей, народов, государств происходит не вовне, не между собой, а внутри, в сердце. Мы все время ищем врага внешнего. И находим. А не находим, так придумываем. А враг — в нас самих, в нашем сердце, и это труднее всего признать. В этой скульптуре — вся история человечества, в том числе и России: то, что происходит сейчас, и то, что происходило в гражданскую войну, то, что происходило в XVI веке во времена Грозного, и то, что происходит повсюду от века. Каин и Авель в одном сердце — нашем.

Что ж удивительного, что пророческий дар художника приходит в неизбежное столкновение с властью. Для Эрнста Неизвестного трагизм этого столк-

новения усугублялся тем, что он художник-монументалист. А чем монументальнее искусство, тем больше оно зависит от власти. И тем больше власть хочет заставить его прославлять себя. В XX веке в России поединок художника и власти приобретает отчетливые трагические обертоты. В XVI веке Микеланджело сумел ужиться, помнитесь, с четырьмя-пятью папами, в XX "папы" таких, как Микеланджело, придушивали и отстреливали. В начале 70-х, до отъезда из страны, Неизвестный не мог ваять свободно: не хватало ни денег, ни бронзы. И тогда он стал рисовать скульптуры. Эта череда монументальных образов развернулась в бесконечной ленте склеенных альбомных листов. Даря мне такой альбом, он написал: "Как тень за мысль". Какая трагедия за этой строкой — и какое мужество!

Но вот парадокс: то, что в 1964–1970-х казалось поражением, "разгромом" художника, обернулось его победой. Есть фото, сделанное в 1963 году. Стоят вожди, бывшие, настоящие, будущие: Хрущев, молодой еще Брежнев, Суслов, уходящий в тень Молотов. Стоят у скульптур Неизвестного. Сам он — за кадром. Что-то говорит. И его слушают. Не он вокруг них вращается — они вокруг него. Не Хрущев его угробил — он увековечил Хрущева (надгробие на Новодевичьем; Хрущев да и все наше время во всей разорванности). Есть такое выражение — "хозяин разговора". Эрнст Неизвестный и есть "хозяин разговора". На фотографии, проявителем которой выступило время, — истина: талант и мужество художника были победой искусства, победой духа над политикой. Пусть недолгой, минутной, но победой. Как Достоевский говорил, что пусть хоть искорка, огонек в ночи светит, лишь бы идеала не потерять.

Политика убивает идеал, убивает